

С кого начиналась Желябовка?

Ровно 210 лет назад в Крым прибыли первые беженцы – болгары. А 70 лет назад они вновь стали изгнанниками - уже со второй родины...

У истоков некоторых нижегородских сел стояли древние кочевники, которые осели в Крыму и оставили потомкам названия своих степных племен – Кыпчак (исчезнувший хутор за Митрофановкой), Мангит (Коврово), Джалаир (Ястребки), Ногайчи (Червонное), Дулат (Зоркино), Макут (Луговое). В средние века сформировавшийся крымскотатарский народ основал немало уютных сел вдоль рек Салгир и Бююк-Карасу, в том числе и наш районный центр – Сейтлер (Сеит-лер – святые люди). Также в Нижнегорье есть около десяти поселений, которые, если не основали, то капитально застроили немецкие колонисты, переселившиеся в Крым из Южной Украины - Чуча немецкая (Межевое), Таймаз немецкий (исчезнувший хутор близ Кукурузного), Тотанай (Уютное) и другие. За Новоивановкой, выше по течению реки Бююк-Карасу находился армянский хутор.

Есть в районе и два бывших болгарских поселения – Чая (Желябовка) и Ново-Царицыно (Садовое). Нельзя утверждать, что там жили только болгары: крымские села нередко были многонациональными. К примеру, часть нынешней Желябовки когда-то называлась Орус-Коджа (русский учитель). В этих селах до сих пор сохранились старые дома и крымских татар, и болгар, которым, без сомнения, более ста лет. И невольно возникает вопрос: а откуда и когда на крымской равнине появились исконные жители Балкан?

Ответ на этот вопрос помог мне найти человек, детство которого прошло в болгарской колонии Кишлав (ныне с. Курское Белогорского района), - Александр Музыченко. Его отец работал здесь учителем с 1877 по 1889 год, мальчик с детства познал язык и обычаи болгар, а впоследствии написал книгу об истории, этнографии, народном творчестве крымских болгар. Главной причиной их бегства с родной земли он называет смуты в оттоманской империи в конце 18 столетия, породившие свирепства турецких вооруженных банд кирджалий и делибаций. Александр Музыченко пишет в книге: «Эти разбойничьи шайки под предводительством своих главарей Кара-Фейзи, Дели-Кадира, Кара-Мустафы и др. нападали на города, села, грабили и разоряли их жителей даже зимой. Человеческие муки доставляли им особенное наслаждение. Испуганные жители в страхе разбегались, а турецкие ужасы и изуверства долго еще не прекращались широкой волной и в 19 столетии. Жители болгарского села Чая (Андреевка) в донесении инспектору народных училищ... вспоминают о былых ужасах: «Вашему благородию не безызвестен болгарский народ, поселившийся в ущельях Феодосийского уезда. Не безызвестна Вам и история его прошлого, печально связанная со свирепостью, давлением и страданием в течение многих столетий турецкого правительства, из-под гнета которого они спаслись

бегством в Россию». В рапорте болгар к смотрителю болгарских колоний князю М.Д.Горчакову есть страшная по сути фраза: «Турецкая земля пахнет еще и дымится кровью нашею, и на ней нет нам житья». Андреевку (нынешнюю Желябовку) болгары называли Чая, а входила тогда Андреевская волость в Феодосийский уезд. И нынешний райцентр (бывший Сейтлер) входил в эту волость. То есть центром нашего региона до строительства железной дороги была Андреевка, она и по количеству домов и по количеству жителей была больше Сейтлера (благодаря болгарам). Если бы станцию сделали возле Андреевки – и район наш, скорее всего, назывался бы Андреевским.

В старых документах сохранились свидетельства очевидцев, в каких экстремальных условиях проходило переселение, а вернее - бегство болгар в Крым. «Сего года в турецкой державе неподалеку от Константинополя имея жительство, общее с женами и детьми нашими, турецкие разбойники, приближаясь к селениям нашим, разбивали и разоряли дома и имения наши. И ежели на случай кого из нас поймают в живых – жизни лишали, отчего больше там жить было невозможно. Мы наняли российского шкипера купеческого судна, Панагу, с тем условием, чтобы заплатить ему с каждой души по 12 пиастров. Взошли мы на его судно и отправились к сказанным берегам. Прибыли мы к здешнему порту Севастополь, где выдержали карантин, а затем прибыли в сею деревню Кишлав». Кстати, в своей книге Александр Музыченко публикует уникальный документ - рапорт Севастопольской карантинной конторы: «На прибывшем к Севастопольскому порту 3 августа (1804 года - автор.) из-за границы российском купеческом судне, именуемом «Дидона» доставлено болгар обоего пола 220 душ. Управляющий судном шкипер Андрей Лихиардопуло изъяснил, что сих болгар взял он по приказанию находящегося в Константинополе российского министра Италинского. И хотя полагал следовать в Таганрог, но в рассуждение препятствующей погоды, решил оставить здесь сказанных пассажиров, потому что провизия на них кончилась».

Ну, как тут не воскликнуть: «Опаньки!». Оказывается, первые болгары оказались в Севастополе случайно, потому в Черном море разыгрался шторм. И в Севастополе первое время не знали, куда девать болгарских беженцев, хотя и назначили им содержание - по 9 копеек на душу. Сперва их хотели отправить в Одессу, где рядом, в Молдавии, уже обустроились болгарские поселенцы. Но в связи с непогодой и вероятностью сноса судна обратно к турецким берегам, «где болгары совершенно тогда попадут строгому истязанию турок», губернатор Розенберг разрешает им остаться в Крыму. А главным аргументом в пользу этого решения оказалась... нехватка винных бочек. Да, все очень просто: в Крыму не хватало дубовых бочек для активно развивающегося виноделия, а среди болгар было немало бочаров. К тому же севастопольский чиновник А. Мертваго в своем рапорте написал: «Прибывшие к Севастопольскому и Евпаторийскому портам болгары находятся в Севастополе, поскольку судна для их перевозки в Одессу доньше

еще не в готовности. Между тем наступила холодная осенняя пора. В числе сих переселенцев есть много малолетних и все они весьма бедны одеянием. Говорят, что не перенесут холода на море, просят их оставить на жительство в Крыму... Как раз в это время крупный феодосийский помещик Али Мурза объявил желание продать дошедшую ему по купле землю в урочище Кишлав, где нет жителей, но зато имелось до 30 старых домов». Интересно, что письмо А.Мертваго губернатору заканчивается судьбоносной фразой: «Человечество требует удовлетворить их просьбы».

И губернатор оказался довольно сердобольным человеком, дав согласие на поселение беженцев в Крыму. Деревня Кишлав с прилегающей землей была выкуплена за 4 тысячи рублей, и болгары вселились в дома уехавших в Турцию крымских татар. Почему и как они уехали – это отдельный разговор, но ни в коем случае их отъезд не связан с появлением в Крыму болгарских беженцев.

И вот отсюда, из Кишлава (ныне Курское), начиная с 1804 года началось расселение болгар по Крыму, начиная со Старого Крыма. Впоследствии рядом с Кишлавом, в деревне Топлы, мать Параскева основала действующий и поныне Топловский женский монастырь. Станция Граматиково между Феодосией и Нижнегорским названа по имени селения Граматиково в Болгарии, откуда прибыли переселенцы из Румелии – восточного региона Болгарии. Кстати, если желябовские болгары переселились к нам из Кишлава (Крым), то Ново-Царицынские (ныне Садовое) – это болгары из-под города Видина, которые нашли убежище в селе Царицыно Херсонской области, затем появились в Перекопском уезде, а уж потом осели в Ново-Царицыно.

Переселение болгар из Кишлава на территорию нынешней Желябовки описала в «Истории городов и сел Украинской ССР» доцент Симферопольского госуниверситета Н.И.Селиванова, кстати, мой преподаватель по истории КПСС: «До присоединения Крыма к России на территории нынешнего села была небольшая татарская деревня Орус Коджа, в 1816 году здесь насчитывалось 22 двора. После крымской войны 1853 - 1856 гг. большинство татарского населения эмигрировало в Турцию. Окрестные земли получили участники Крымской войны – помещик Андрей Нелидов (600 десятин) и морские офицеры братья Соичи – по 300 десятин. В 1861- 1864 гг. на левом берегу Бююк-Карасу новые переселенцы - болгары - основали маленькое селение Чая, которое, разрастаясь, постепенно слилось с Орус-Коджой. Объединенный населенный пункт стал называться Чая. Через 20 лет в нем, переименованном в Андреевку и превращенном в волостной центр, насчитывалось 88 дворов и 514 жителей. Основными занятиями их было полеводство, садоводство и огородничество. Хозяйства большинства болгар-переселенцев имели до 50 десятин земли на двор.» К этому безусловно основанному на документах материалу я могу добавить предание или легенду о том, что один из братьев Соичей проигрался в карты, поэтому и продал свои земли болгарам, чтобы погасить долг. А село процветало при болгарях точно: достаточно взглянуть на добротные, сохранившиеся до сей поры болгарские дома и на старые фотографии.

Интересны и обычаи этого горно-лесного народа. К примеру, девушки видели в парнях представителей силы и должны были целовать им руку. Но после замужества, фактически, распорядительницей в доме становилась женщина, и мужчина должен отдавать ей все заработанные деньги с подробным отчетом о потраченных средствах. Муж, бьющий женщину – беспримерное явление. Болгары очень суеверны. К примеру, нельзя насмехаться над калеками, иначе бог пошлет те же недостатки и новорожденному. Нельзя пинать кошек и собак, иначе у детей на щечках будет расти пучками пушок. А в сельском хозяйстве у болгар преобладало садоводство, виноградарство и овощеводство. Каждая семья производила примерно 30 ведер вина, но пьяниц среди болгар не было никогда: они много работали и вели строгий образ жизни, одеваясь в черные одежды. Но в то же время очень любили петь, особенно девушки.

В одной из исторических книг я нашел снимок начала 20-го столетия, на котором в национальных костюмах на фоне своего дома стояли две женщины и мальчик. А надпись под ними была следующая: «Сестры Урум Бегликовы, жительницы с.Чая (Андреевка) Феодосийского уезда». А может быть, это прабабушки и дедушка кого-то из ныне живущих желябовцев? Ведь фамилия Урумбегликовы есть в нашем районе.

Задав себе этот вопрос, я отправился в довольно живописное село на берегу Бюк-Карасу. И уже не по книгам, а из уст потомков болгарских переселенцев узнал об их трагической судьбе...

Вслед за крымскими татарами с полуострова в начале лета 1944 года выселили болгар, возможно, потому, что Болгария формально входила в гитлеровскую коалицию и еще не была освобождена. Половина Желябовки и половина Садового опустела в один день, а оставленные дома сразу же после войны заняли переселенцы из России, ведь до 1954 года Крым входил в состав РСФСР. И только через 20 лет в Крым стали возвращаться депортированные болгары. Все мы помним энергичного председателя колхоза «Дружба» Константина Константиновича Пиронко – он был болгарин и родом из Желябовки. В село вернулась после депортации представительница этого большого рода Светлана Федоровна Пиронко, которую выслали на Урал в пятилетнем возрасте.

Нашел я в Желябовке и потомка рода Урум Бегликовых – Сергея Урумбегликова. Он рядом с новым домом заботливо хранит старый, столетний дом, построенный его дедом – Кириллом. Кстати, его фамилия происходит от двух тюркских слов: урум – прозвище людей не турецкой национальности, беглик – местность, владения бея или бега, который приехал из-за моря. Возле школы находится дом Пилипенко, еще одной представительницы рода Урумбегликовых, но в день моего приезда она болела. Зато ее дочь Юлия показала мне старые фотографии начала 20-го века, на которых изображены ее болгарские предки.

Интересную историю своей семьи рассказала мне Галина Рязанцева, дочь Александры Клиичевой, депортированной на Урал в 20-летнем возрасте.

- Моя мама родилась в Желябовке, здесь и умерла 17 лет назад. Однако большую часть жизни она, как и мой отец, прожили вдали от Крыма. Наша семья жила еще в Андреевке, то есть до Революции. У меня есть книга «Крымские болгары в 19 – начале 20 века», где на странице 75 помещена фотография жительницы села Андреевка в национальном костюме – это моя прабабушка - Домна Степановна. У нее было 11 детей, но в 1921 году в Крыму разразился страшный голод, и у нее умерло 10 детей. Выжила только старшая дочь Христинка, у которой в 1924 году родилась моя мама. И она тоже познала и голод, и холод во время оккупации. Когда началась война, ей было 17 лет, она была комсомолкой. После прихода немцев и румын молодежь собиралась в одном из домов на чердаке, где и спрятали свои комсомольские билеты, а сами собирались в партизаны. Возможно, кто-то и ушел в горы, но я об этом не знаю. А мою маму семь раз пытались угнать в Германию, но каждый раз она убегала. Однажды ее привезли на станцию под охраной. Мама с подругой попросилась в туалет, который также охранял пожилой румын. Однако он на ломаном русском языке объяснил девочкам, что в туалете одна доска плохо прибита. И закрыл глаза руками, мол, я вас не видел. И девочки убежали. Но все равно угроза угона в Германию висела над желябовской молодежью. И тогда моя мама решила выйти замуж за моего будущего папу – колхозного скотника Александра Алмалиева. В Германию угоняли только одиноких, а семейных не трогали. Но местный староста Нечитайло все равно внес их в список для угона в Германию, и ночью моего будущего папу схватили и под охраной отправили на станцию. Он попал в концлагерь в городе Франкфурт-на-Майне, где работал на одном из немецких заводов. В 1944 году ему удалось бежать и добраться до линии фронта. Папа рассказывал, что в кармане у него были только кусок хлеба и луковица. Он был настолько истощенным и болезненным, что его не взяли в армию и с воинским эшелоном отправили в тыл. Он целый месяц перебирался из одного эшелона в другой, и жил только одной надеждой – увидеть родную семью и любимую жену. А когда приехал в Желябовку – увидел пустые дома. В тот же день он пошел на станцию и сел в первый товарняк, который шел на север, туда, куда увезли крымских татар, болгар, армян, греков. На станциях он спрашивал железнодорожников, куда и когда прошел эшелон с крымскими болгарами и ему рассказывали, видя, какой он худой и измученный. И он догнал эшелон депортированных из Крыма, но в нем ехали не его родители, а родители жены. Так он с ними и остался и прожил с моей матерью на Урале много лет. Там и я родилась, вышла замуж. А потом мы решили вернуться в Желябовку, где нам предоставили недостроенный дом и участок. Но он так и стоит во дворе, а мы построили другой, рядом. У нас все хорошо, но то, что пережили наши родители – это ужасно. Я хочу одного: чтобы в Крыму был мир и дружба между всеми народами, которые здесь живут. Хватит уже, пострадали наши родители, пусть хоть дети и внуки живут нормально!

Окраинную улицу желябовцы называют «болгарстрой». Здесь живут потомки депортированных болгар, но давно, как говорится, обрусевшие.

Конечно, в каждой семье хранятся и радостные, и грустные предания. Я не стал беспокоить эти семьи, поскольку депортация – не самые лучшие воспоминания. Ведь получается, что среди депортированных народов лишь крымские болгары – дважды изгнанные с родной земли. Один раз – турками, второй раз – сталинским правительством. Теперь «ошибки Сталина» исправляет наше поколение. И хорошо, что в Желябовском Доме культуры поддерживают традиции всех национальностей, проживающих в селе. Это добрый пример. Простые люди надеются, что из-за недалёковидности политиков никогда не повторятся трагические события 1944 года.

Олег Тимшин